

Об изменяемости и неизменности православного богослужения

В течение всей истории православного, или “кафолического”, христианства вера была неотделима от молитвы и богослужения, а богослужение выражало веру Церкви. Эту неотделимость *Lex orandi* и *Lex credendi* (лат.: правило молитвы и правило веры. — Прим. ред.) знало древнее монашество. Авва Евагрий писал: “Кто молится, тот богослов”, а наше восточное Православие испытало на опыте и испытывает по сей день, как вера действительно сохраняется в богослужении Церкви. В течение многих веков православное богослужение сохраняло Православие на Ближнем Востоке под турецким игом. О силе богослужения, как выражения веры и верности, хорошо знает и Русская Церковь.

Но эта неразрывность церковной веры и церковного богослужения предполагает верное ощущение самой Церкви, верный церковный опыт, то есть восприятие верного соотношения между разными аспектами православной экклезиологии.

В рамках предоставленного времени я постараюсь поделиться с вами несколькими замечаниями:

- об экклезиологических предпосылках всякого истинно православного подхода к вопросу о богослужебных изменениях;
- об исторических примерах таких изменений, имеющих отношение и к нашему времени.

1. Экклезиологические замечания

Отец Павел Флоренский хорошо определил значение культа как выражения культуры в целом, включающей прошлое, настоящее и будущее (эсхатологическое) бытие церковного общества. Так, Церковь живет апостольской верой, выраженной раз в прошлом, но на веки вечные сохраненной свидетелями Воскресения Христа из мертвых и в последующие времена святыми отцами и учителями Церкви. Эту же веру хранит весь церковный народ в целом. Но эта вера есть также и предвосхищение будущего Христова Царства. В евхаристической молитве святителя Иоанна Златоуста мы поминаем: “Крест, гроб, тридневное воскресение, на небеса восхождение, одесную сидение, второе славное паки пришествие”. Евхаристия есть центр всей церковной жизни и всего богослужения, а поэтому смысл евхаристического действия осмысляет и весь церковный культ в целом. Богослужение неотрывно от прошлого, настоящего или грядущего: настоящий момент в жизни Церкви связывает нас со всеми “от века благоугодившими” Богу и питает нас опытом радости и победы, которые от века предуготованы для избранных, но также возможны здесь и сейчас.

Если это так, то становятся понятными как необходимый и неизбежный консерватизм Церкви, хранящей богослужение с апостольских времен, так и “мистериальный”, священный характер богослужения — Таинства Царства. Текст евхаристических молитв (или “канонов”), употребляемый нами в наши дни, повторяет, часто дословно, текст таких же молитв II и III веков, хотя основное ядро богослужения и обросло в византийские времена многими новыми элементами, отражающими другие века и эпохи. Эта основная связь с прошлым дополняется “горизонтальным” единством культа, объединяющим местные Церкви в единую Вселенскую Церковь. В древней Церкви не существовало административного единства между Церквями. Не было центральной власти, которая регулировала бы богослужение для всех местных Церквей. И тем не менее скажем, в IV веке — богослужение в Александрии, в Риме, в Антиохии или в далекой Галлии было в основном однозначно. Структура его была одинакова. Церковь жила без единого административного центра, но едина в жизни; и это духовное единство в восприятии апостольской веры выражалось в единстве (или, по крайней

мере, однозначности) богослужебных форм. В наше время литургисты много настаивают на богослужебном разнообразии в древней Церкви. Такое подчеркивание разнообразия удобно для современного экуменического диалога, в котором его участники ищут формы церковного единства веками разделенного христианства. Но при изучении древней Церкви еще более поражает стремление древних христиан к сохранению литургического единства, которое легко обнаружить в истории богослужения. Поместные Церкви легко воспринимали отдельные элементы одна у другой: Александрия у Антиохии, Галлия у Константинополя и т. д. А Константинопольская Церковь вообще имела тенденцию к синтезу: ее богослужение в IV, V, VI и VII веках было богослужением сборным именно потому, что церковь столицы была церковью приходящих отовсюду, церковью литургического синтеза... Как бы то ни было, у древней Церкви не было стремления во что бы то ни стало сохранять отдельные, самодостаточные “обряды”. Богослужение было выражением веры всей Церкви — единой в вере, в молитве и в Таинствах, хотя и неизбежно “многоликой” в языковом отношении.

Если богослужение Церкви выражает единство веры, а вера — едина, то и форма богослужения должна отображать это же единство. Некоторое разнообразие неизбежно, но не является самоцелью: оно имеет значение миссионерское, подчиненное основному и единому назначению бытия Церкви.

Но если вера и богослужение неразрывно связаны, то эта связь должна быть не только формальной, но и живой, питающей и веру людей, и их молитвенную жизнь. В православном понимании Церкви вера сохраняется не только через апостольское преемство епископата, но и всем народом Божиим; соборность Церкви выражается не только в Соборах — Вселенских и Поместных, но также и в их принятии и усвоении всем народом Божиим. Так и богослужение не есть дело одного лишь духовенства: оно творится и питается благочестием всего народа. В историческом бытии Церкви часто возникают опасности от нарушения соборного единства и соборного восприятия истин веры. Например:

- Богослужение, или, вернее, народное благочестие, иногда развивается независимо от церковного богословия, от Писания, от церковного учительства, а тем самым и церковного Предания. Когда богослужение застывает в непонятных формах, совершается на непонятном языке, отдает предпочтение внешним (а иногда и совсем недавним) обычаям, то народ начинает прибегать к “кустарному творчеству”, питается сентиментализмом, а иногда и вовсе уходит на совсем нецерковные (сектантские) пути...
- Другая психологическая и духовная опасность: богослужебные реформы, исходящие “сверху”, навязываемые иерархией, может быть, и на вполне правильных богословских основаниях, но без народного восприятия, без доверия и единства между церковной властью и народным благочестием. Такие реформы создают атмосферу разлада и часто приводят к расколу.
- Еще одна опасность, вполне очевидная и сразу возникающая там, где произошел разрыв между богословием и благочестием, где богослужение больше не питается живым Преданием Церкви: это склероз литургических обычаев, отсутствие понимания их смысла, вымышленные символические толкования, направленные лишь на то, чтобы оправдать то, что в оправдании, собственно, не нуждается. Когда общество и культура меняются, такое “замороженное” богослужение перестает быть проводником Истины и Жизни.

В наше время миллионы людей духовно питаются православным богослужением. Очень многие — у нас, на Западе — начинают понимать Православие именно через литургическую традицию не только христианского Востока, но и древнего христианского Запада. В православном богослужении они находят и связь с апостольской верой первых веков христианства, и опыт грядущего Царства Божия. Именно поэтому нам, православным, надо хранить богослужение не только как необходимую связь с прошлым, но и как живое свидетельство о вере. Это требует как хорошего знания его истории, так и богословского

духовного опыта того, что составляет ядро именно церковной молитвы, в которой прошлое, настоящее и будущее объединяются в жизни Тела Христова.

Русская Церковь имела и имеет особый, часто трагический опыт в этом отношении. Поэтому именно русскому богословию, русским литургистам и, конечно, русскому пастыреначалию принадлежит особая ответственность в деле сохранения и развития православного богослужебного предания в наши дни.

2. Уроки прошлого

Если, поставивши вопрос об изменчивости и неизменяемости богослужения, мы обратимся к истории Русской Церкви, то в самом центре сознания сразу же явится раскол XVII века. И не только потому, что он оказался решительным событием в преддверии петровских реформ, но и потому, что он выявил некоторые черты, как положительные, так и отрицательные, в Русском Православии того времени. Обо всем тут говорить невозможно, да и очень многое о расколе уже было сказано. Ограничусь только вопросом о богослужении как таковом.

Первое, что можно сказать, это то, что впервые во всей истории христианства сам принцип изменчивости богослужения как будто бы оспаривался обеими сторонами. Обе они ощущали необходимость правки книг, но они также были твердо уверены в том, что существует единый, незыблемый церковный богослужебный устав, принятый из Византии во времена Крещения Руси. Расходились стороны только в том, как лучше этот устав восстановить: обращаясь ли к “древним” (греческим или славянским) книгам, или же следуя современной практике Греческой Церкви. Ни та ни другая стороны не обладали ни необходимыми знаниями, ни практической возможностью проверять русскую практику по “древним” образцам, и поэтому решение Патриарха Никона и Царя — исправлять книги по греческим образцам (то есть по книгам, напечатанным в Венеции, часто не без латинских влияний) — было решением упрощенным, которое пришлось навязывать силой. Реакция старообрядцев всем известна...

Но “реформа” Никона была лишь “исправлением”, а не настоящей реформой. Удивительно то, что участники трагедии XVII века, как никониане, так и староверы, не имели представления о том, что не только “исправления”, но и настоящие реформы богослужения проводились в прошлом, в истории именно Русской Церкви, не вызывая ни сопротивления, ни раскола.

Не говоря уже о переменах, которые имели место в богослужении Константинопольской Церкви в X и XI веках и несомненно отражались на Руси, сравнительно более недавнее (в XIII и XIV веках) принятие Иерусалимского устава, а также известного “диатаксиса” Патриарха Филофея о служении Литургии прошли на Руси вполне безболезненно. Это были реформы куда более значительные, чем “правка книг” при Никоне. Видимо, во времена татарского ига и правления митрополита Киприана, когда вводились реформы — между иерархией и народом, клиром и мирянами, государством и Церковью, — существовала атмосфера органического доверия. Не было всех тех духовных сомнений, страхов и внутренних терзаний, которые оказались так характерны для XVII века. Действительно ли Москва — Третий Рим? Не колеблется ли Православие из-за западного влияния? Не являются ли греки агентами иезуитов? Есть ли у нас “ученые” люди, способные противостоять опасности? И если есть, то кто они? Как сам раскол, так и последовавшие вскоре репрессии против раскольников в значительной мере отражали страх и странные чувства неуверенности и собственной неполноценности... Совсем пропало то органическое, естественное соборное единство, которое было так сильно на Руси в XIV и XV веках.

Интересно, что почти одновременно на Украине митрополит Петр (Могила) также произвел реформу — гораздо более сомнительную по содержанию. Как известно, значительные части его “Требника” (например, молитвы Таинства Покаяния, а также рубрики при совершении Литургии) были им сознательно заимствованы из латинского

обрядов и отражали латинское схоластическое богословие Таинств. А между тем реформа Могилы была беспрекословно принята в Западной Руси, а со временем была широко использована при издании новых богослужебных книг в Москве. В Могилу поверили как в ревнителя Православия, а в Патриарха Никона не поверили...

3. Реалии настоящего

Смотря на христианский мир в целом, в наши дни нельзя не упомянуть об опыте литургической реформы, произведенной II Ватиканским Собором Римо-Католической Церкви. Эта реформа явилась во многих отношениях результатом замечательных достижений литургического движения, имевшего место в послевоенные годы, в особенности во Франции и в Германии. Стремление восстановить древнюю литургическую практику, приблизить богослужение к народу путем употребления разговорных языков (взамен латинского), сознательное принятие многих черт древнего богослужения, сохранившихся на Востоке, — все эти важные достижения реформ Ватиканского Собора имели большое экуменическое значение, сблизили католичество с Православием. Но эклезиологический контекст и метод реформы привели к опасной секуляризации богослужебной жизни на Западе и, во всяком случае, только лишь частично оздоровили литургическое сознание. Активное меньшинство католических “старообрядцев” по сей день противятся реформе, навязанной “сверху” и нарушившей многие черты благочестия, которым жил народ...

Во многом нам можно поучиться от этого опыта — как в положительном, так и в отрицательном смысле.

В Православной Церкви даже в настоящее время богослужение отнюдь не так статично, как нам иногда это кажется. Ограничиваясь Русской Церковью, можно привести несколько примеров.

Во внешнем эстетическом отношении введение — после XVIII века — западного полифонического пения, включая много “концертных номеров”, значительно изменило общий характер и “стиль” богослужения в России. Популярность большого числа акафистов, написанных по образцу знаменитого Акафиста Божией Матери, Ее Похвалы, стала питать благочестие по-новому, пользуясь более народным языком, часто более доступным, чем переводы с греческого. Практика служения утрени вечером, а вечерни — утром, первоначально оправданная пастырскими соображениями на приходах, стала “нормальной” даже в монастырях. Таких примеров можно привести и больше...

Я их привожу отнюдь не ради критики. Во многом они отражают реальную потребность и приняты народом в целом. Но они ставят перед церковным сознанием: 1) сам факт очевидных богослужебных изменений; 2) необходимость осмыслить связь между благочестием и богословием, церковностью и ее выражением в богослужении. Ведь многое происходит без такого осмысления — как-то параллельно с общецерковным сознанием.

Русская Церковь знает печальный опыт “обновленчества” в послереволюционные годы. Тут существуют некоторые параллели с реформами Ватиканского Собора в католичестве. Некоторые “обновленческие” реформы имели характер гонки за секулярной современностью, в отрыве от церковного народа. Но главное, они были введены раскольниками, борющимися с Церковью. Тем самым даже положительные и в принципе приемлемые и желательные реформы, вводимые обновленцами, оказались скомпрометированными в глазах народных масс да и самой Церкви, так как они исходили не от нее, а от тех, кто от нее откалывался.

В наши дни для тех из нас, кто призван свидетельствовать о Православии в западных странах, вопрос о богослужении является вопросом первостепенной важности, как практически, так и духовно. Оставляю в стороне вопрос о литургическом языке: тут в Православии не существует принципиальной трудности, поскольку православные миссионеры всегда и везде переводили Священное Писание и богослужебные тексты на понятные данному народу языки.

Но даже при наличии удовлетворительных переводов наше сознательно миссионерское свидетельство требует такой богослужебной жизни, которая могла бы действовать на внешних именно так, как когда-то богослужение в святой Софии Константинопольской подействовало на послов святого князя Владимира: “Мы не знали, на небе мы или на земле...”

В условиях часто поверхностных экуменических встреч с благонамеренными и благовоспитанными западными христианами, заранее настроенными благожелательно к “торжественности” (а иногда и экзотичности) православного богослужения, мы можем ограничиться историческими и символическими объяснениями того, что есть. Но в Америке и в Западной Европе к Православию также стремятся интеллигентные, ищущие люди. Мы их зовем в Церковь и говорим: “Приди и виждь...” И тут мы невольно стоим перед судом нашего же собственного церковного Предания, которое мы не соблюдаем, заменяя его обычаями, укоренившимися недавно, часто непонятными и необъяснимыми даже для нас самих. И приходящие уходят, не “вкусив трапезы”...

Опыт показывает, что даже самые, кажется, второстепенные несостоятельности могут отвратить людей от Церкви.

В заключение я хочу указать на три основных принципа, с которыми, как мне кажется, нужно подходить к вопросу, поставленному в моем докладе:

- 1) Богослужение выражает Предание Церкви, то есть исповедание церковной веры во времени, в разных культурах и разных эпохах. Мы верим, что это Предание есть Священное Предание: изменяясь в веках, оно остается неизменным по существу. Нам надлежит совершать богослужение так, чтобы оно всегда отражало Священное Предание. В русской богословской науке имеется множество руководств, показывающих, как это происходило в прошлом: имена профессоров Мансветова, Скабаллановича, Дмитриевского, Успенского и многих других нам, я думаю, известны.
- 2) Богослужение отражает единство Церкви — единство со святоотеческим прошлым и единство со всеми теми, кто сейчас исповедует ту же православную веру.
- 3) Богослужение есть свидетельство сознательной веры: оно не должно развиваться в отрыве от богословия, от веры, от учительства, от опыта отцов.

В рамках этих условий можно понять, что такое неизменяемость богослужения и как оно может законно изменяться. Изменения незаконны, когда они происходят в разрыве с иерархией или в отрыве от народного благочестия; когда они бессознательно отражают духовный упадок или искусственное приспособленчество к миру сему; когда они навязываются “сверху”, извне органического церковного сознания; когда они возникают в отрыве от богословия или вообще самоощущения Церкви. Но есть и вполне законные изменения и обогащения, которые всегда отражают подлинную церковную жизнь, связывающую нас с веком апостолов и отцов, делают эту жизнь доступной всем “спасаемым” в разные эпохи и в разных обстоятельствах.

Более того, можно сказать, что изменяемость и развитие богослужения так же неизбежны, как и сама жизнь Церкви в истории. Об этом свидетельствуют, например, многочисленные и очевидные заимствования из практики византийского императорского церемониала, введенные в богослужебную практику в средние века, или весь тот “стиль” благочестия в Русской Церкви, который восходит к XIX веку... Даже тогда, когда эти изменения не оправданы ни Преданием, ни богословием, они указывают на жизненность нашего богослужения. Богослужение, как и сама Церковь, не может игнорировать окружающую жизнь. Но в наше время, когда Церковь нигде больше не пользуется официальной поддержкой государства и общества; когда она предоставлена самой себе и призвана свидетельствовать своими только силами, важно вновь восстановить то органическое единство, которое существовало в древнем христианстве, — *Lex orandi* и *Lex credendi*: единство веры и молитвы. Это требует большой пастырской любви, много терпения

и терпимости, единства иерархии и народа и хорошего знания богослужения и его истории.

В начале второго тысячелетия своего исторического бытия Русская Церковь может и должна помочь всем нам, всему православному миру вновь и вновь находить в богослужении “источник воды живой”.

Протопресвитер Иоанн МЕЙЕНДОРФ
(† 1993)

Примечание: статья представляет собой доклад, прочитанный на 3-й Международной научной церковной конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси, “Литургическая жизнь и церковное творчество русского Православия” (Ленинград, февраль 1988 года). Печатается по: Вестник РХД. Париж, 1988. № 153 (II). Об авторе см.: Журнал Московской Патриархии. 1993. № 2. С. 104—109.

Источник: <http://www.jmp.ru/> — Журнал Московской патриархии, 8/1998